

SUMMARY

The author analyses of Nazi policy in the relation to the Jewish population on the ethnic Polish lands. Specific lines and stages of forming of the policy of anti-Semitism are exposed.

The methods of the repressions which were used on a relation Jewries in the period of becoming of the Nazi regime are investigated.

С. Ф. ОРЛЯНСКИЙ

ИСТОРИСОФИЯ И ЕЁ МЕСТО В ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

В западной литературе имеется немало серьезных работ, в которых глубоко рассматриваются различные проблемы историософского характера. К таким работам следует отнести монографии Р. Дж. Колингууда «Идея истории», А. Тойнби «Постижение истории», К. Ясперса «Смысл и назначение истории», Ю. Хабермаса «О субъекте истории» и др. Однако, отмечает А. П. Реэнт, историки-практики, в большинстве своём, «не стремятся выйти за рамки конкретно-исторических исследований, оставляя область историософского осмысления истории человечества философам, социологам, этнографам, экономистам» [1, 18].

Что же такое историософия? В принципе я сравнил бы историософию с компасом, который помогает историку находить верный путь в безбрежном океане исторических фактов. Историк, не интересующийся историософией – это человек «без горизонта». Вдумчивый журналист одесской еврейской газеты «Шомрей шабос» Елена Каракина одну из своих статей так и назвала: «Без горизонта». Она пишет: «Одессит, по определению, это человек, меру возможностей и запросов которого определяет лишь горизонт. А горизонт же есть «воображаемая линия, которая отодвигается по мере приближения», как известно из географии» [2].

Я почти полностью убедился в справедливости сравнения историософии с этой «воображаемой линией», когда обратился к «Современному философскому словарю», изданному в Москве в 1998 г. Читаю: «Историософия – это концепция философии истории, созданная как целостное постижение вариативности и преемственности конкретных исторических форм с точки зрения раскрытия в них универсального закона или метаисторического смысла». И далее: «Центральное место в историософии занимает осмысление сущности и основных процессуальных мотивов того исторического периода, в котором находится субъект философствования в соответствии с его собственными критериями исторических форм. Фактически (кажется, что мы уже подходим к концу определения этого громоздкого понятия! – С. О.) историософия реализуется как целокупное постижение сущности истории с позиций метафизически истолковываемых её основных моментов» [3, 370].

Итак, здесь и «концепция философии истории», и «целостное постижение вариативности и преемственности исторических форм», и «осмысление сущности и основных процессуальных мотивов конкретного исторического периода», и «целокупное постижение сущности истории».

Из такого довольно тяжеловесного и трудновоспринимаемого определения можно вынести следующее: во-первых, что историософия – это всё же «концепция философии истории», предназначенная для раскрытия в цепи конкретных фактов «универсального закона или метаисторического смысла» этих фактов, во-вторых, центральное место в историософии «занимает осмысление сущности и основных процессуальных мотивов конкретного исторического периода», и, наконец, в-третьих, практическая реализация этой «концепции философии истории» для данного исторического периода, по существу, означает постижение сущности этого периода. По сути дела, сказанное выше и определяет основные составляющие историософии как таковой.

В принципе, считает Р. А. Додонов, историософия изначально сформировалась как учение, вышедшее из эсхатологии, и свидетельствующее о смысле самой мудрости Истории. Ведь ещё в раннем средневековье история человечества делилась на три этапа: 1) от сотворения мира до рождения Христа; 2) земная жизнь Иисуса Христа (первое пришествие); 3) от смерти и воскрешения Христа до его второго пришествия и Страшного Суда [4, 60]. Такая периодизация человеческой истории получалась соответствующее историософское осмысление.

Затем пришло время позитивистского восприятия и объяснения истории как некой последовательности событий, и задача историков в таком случае заключалась лишь в фиксации этих событий и их упорядочении. «На первый взгляд, кажется, – отмечает Додонов, – что позитивистская традиция надежно обеспечивала объективность исторического исследования. Но такая объектив-

ность вскоре обернулась безликостью переживаемых эпох. Однако они – эти эпохи – не имели ни своего «лица», ни своего «духа».

Но вот в начале XIX века пришёл такой интеллектуально-культурный феномен как романтизм, пришли и его представители, прежде всего Г. Гегель, представивший всё историческое развитие в виде процесса – непрерывного и взаимосвязанного движения, объединённого идеей Абсолютного Духа [5, 113].

Однако история как наука непрерывно развивается, формируются новые школы и течения, складываются и историософские представления о сущности этих школ и течений, их месте в историографии того или иного периода. Одна из таких школ, известная французская школа «Анналов», в лице её основателей Марка Блока («Апология истории или ремесло историка», 1946) и Люсьена Февра («Бои за историю», 1953), заявила об образовании «новой исторической науки», выступив за целостное и всестороннее рассмотрение исторических процессов, являющихся, по своей сути, вообще-то «мультидетерминированными». Именно анналисты и внесли в научный оборот такие понятия, как нарратив и ментальность, с помощью которых, отмечает Додонов, и «стало возможно совмещать видение событий глазами историка с видением событий глазами участника, то есть человека прошлого» [4, 60].

Конечно, совмещать эти два «видения», вернее, сопоставлять и переосмысливать их, не представляется возможным без использования историософского инструментария, в том числе нарратива и менталитета.

Сделав такие посылы с целью уточнить подлинное предназначение историософии в историческом знании, обратимся теперь к автору монографии «Историософия. Мировая история как эксперимент и загадка» М. Тартаковскому, чтобы получить более полное представление по интересующему меня вопросу. Тартаковский отмечает, что историософия как понятие до сих пор остаётся, по сути своей, бесхозным и загадочно неопределённым, его даже нет в многотомном издании «Брокгауза и Ефрона», не говоря уже о других словарных изданиях.

Тартаковский высказал своё представление о содержании этого понятия, перечислив то, что должно, по его мнению, найти своё место в историософии: «Как прошедшее воздействует на современное состояние умов? Как история воспринимается конкретным человеком? Как же, в конечном счете, сознание – неизбежно историческое – воздействует на бытие, в какой мере оно его определяет?» [6, 370].

Другой российский автор, К. М. Кантор, свою монографию «Двойная спираль истории: историософия проектизма» объёмом в 904 стр. посвятил исследованию развития историософии на конец XX века. Н.И. Цимпаев в своей рецензии на эту монографию пишет: «Если определить её главное содержание, строго следуя за автором и пренебрегая её жанровыми особенностями и способом подачи материала, то предполагается «черновой набросок» историософии XXI века, которую автор, в духе старого гегельянства, понимает как синтез устарелого тезиса историографии XIX века, которая верила в прогресс и в единую цель человеческой истории, и антитезиса неудавшейся историософии века XX, которая вслед за О. Шпенглером, увлекалась описанием отдельных культурно-исторических типов» [7, 183]. Ярко и хлестко, конечно, сказано, но, по существу, верно. Одновременно напрашивается вопрос: а какой же будет историософия в начавшемся XXI веке? В XIX веке – прогресс и всё связанное с ним, в XX веке – культурно-исторические типы, а в XXI-м?

Интересные мысли по рассматриваемому вопросу высказал Н. Бердяев в своей работе «Самопознание». Он отметил, что в начале XX века возникли новые историософские взгляды, противопоставлявшие себя XIX веку, но живущие тем не менее мыслями нового, наступившего века.

Бердяев высказал такую мысль: «Я всегда имел особенный интерес к проблемам философии истории. Меня даже часто называют историософом» [8, 555]. Русский философ начала XX века В. В. Зеньковский выделял в философии Бердяева четыре аспекта: религиозно-мистический, этический, персоналистский и историософский [9, 64]. М.А. Блюменкранц, исследователь научной деятельности Бердяева, объясняет, почему творческая интеллигенция того времени увлекалась историософскими сюжетами: «Разломы истории, в которые волей судеб Россия в XX веке оказалась втянута глубже, чем многие страны Западной Европы, пробудили в русских мыслителях пристальный интерес к историософской проблематике, заставили острее пережить чувство трагизма мировой истории, оказаться в непосредственной близости к вдруг развернувшейся под ногами бездне апокалиптического опыта и эсхатологических ожиданий» [10, 5]. Вот этой «бездной апокалиптического опыта и эсхатологических ожиданий» и призвана заниматься историософия, поднявшись «над схваткой» разного рода исторических фактов, исследовать которые должна уже история.

Н. Макиавелли в своих «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» писал о недостатке подлинного понимания истории, помогающего при чтении сочинений историков извлекать из них тот смысл, который они в себе содержат» [11, 128].

В своё время Спиноза, постоянно отмечал, что не следует осмеивать те или иные факты человеческого бытия, не огорчаться их появлением, не клясть их всячески, а научиться понимать их [12, 11]. И здесь без историософии уж не обойтись. Это же имел в виду и Кант, когда писал, что не столь страшно быть опровергнутым, гораздо страшнее быть непонятым [13, 12].

Итак, одни мыслители непосредственно высказывают историософские взгляды (Бердяев), другие ощущают потребность в историософском осмысливании исторических фактов, явлений, процессов (Макиавелли, Спиноза, Кант). И всё же, каково действительное место историософии в интеллектуальном знании?

Гегель в своей «Науке логики» вначале говорит о бытующем представлении людей об окружающем мире, а потом уже об осмысливании содержания этого мира. Иными словами, уточняет К.М. Кантор, вначале нужно говорить об образе целого, а затем уже и о самом целом. Короче говоря, в основе историософии лежит не историческая конкретика, а Идея Истории, предопределяющая выбор фактов, их трактовку и композицию [13, 3]. Кантор рассматривает историософию с точки зрения культурно-исторической генетики (значит её – историософию – можно рассматривать и с других каких-то точек зрения? – С. О.). Он пишет: «Смысл культурно-генетического метода состоит в том, что при объяснении «текущих» социальных коллизий опираются не только на непосредственно наблюдаемые процессы, но и на всю историю изучаемых объектов, на выявление культурно-исторической уникальности этих объектов» [13, 10].

Известные философы и историки по-разному, то есть по-своему, приходят к идее необходимости осмысления сущности того или иного исторического факта, явления или процесса. Так, российский историк Е. Рашковский, много занимающийся этими сюжетами, пишет: «У исторической науки, как и у любого гуманитарного знания, как бы два лика. Один лик обращен к изучаемой историком непреложной человеческой действительности, а другой – к нашему внутреннему миру, к внутренней ойкономии человеческой души» [14, 128]. Обращение к этому второму лику как раз и есть историософия с точки зрения духовно-нравственной (скажем по примеру К.М. Кантора). Такое обращение к этому второму лику очень образно показал Гр. Померанц. Он пишет: «Каждый предмет, увиденный глазами, надо увидеть ещё и умом. И каждую идею, воспринятую умом, надо провести сквозь глубокое сердце, чтобы высветить имеющуюся фальшь» [15, 182].

В другой своей работе Рашковский определил основную задачу исторического знания как «экспозицию и осмысление человеческих проблем на оси времени» [16, 5]. И вновь осмысление, а стало быть, и вновь присутствие историософии.

В современных условиях стало модным «переписывание истории» под предлогом якобы утвердить «настоящую правду». Подлинная же цель такого «переписывания» совершенно иная. «Современное человечество в своей истории, – отмечает В.П. Козлов, – всегда видело и будет видеть, прежде всего, политически значимые для современности факты, события, явления и процессы прошлого. И в соответствии с каждой сиюминутной политической актуальностью интерпретировать их, рождая не столько новое историческое знание, сколько новые мифы» [17, 8]. Другой историк, А. Б. Каменский, был предельно краток, отвечая на этот вопрос – вопрос о политизации истории: «В современном мире, – утверждает он, – власть использует историю в своих интересах сознательно и целенаправленно» [18, 20].

Мне понравилось выражение одного из авторов постоянно читаемого мною издания, А. Пальчуна: «Человек, – пишет он, – пытается построить будущее, черпает силы в прошлом. Кого мы назначим в кумиры сегодня, таким и будет завтра» [19]. Я согласен с мнением крупнейшего писателя XX века, лауреата Нобелевской премии Элиаса Канетти о том, что у каждого человека должен быть кумир, то есть тот, который для него является примером, к которому бы он тянулся, что-то брал у него в плане идей или поведения. Но своего кумира каждый выбирает для себя сам [20, 39]. У нас же бывает так, что власть, исходя из своих политических устремлений, пытается, навязать населению свои, удобные ей кумиры.

И вот здесь должна сыграть свою роль историософия: соотнести политизированную историческую работу с существующими принципами методологии истории (историзм, объективность и т.д.), а также с известными человеческими ценностями и вынести свой вердикт: соответствует ли эта работа вышесказанному или не соответствует. Но для этого необходимо определенное граждан-

ское мужество, которым, конечно, обладает далеко не каждый (возможны неприятности на работе и пр.). На этот счет Н. Яковенко в своей замечательной монографии «Вступ до історії» пишет следующее: «Никому до сих пор не удалось найти способ, который мог бы отгородить ученого от самого себя – сложившейся остановки жизни, установившихся связей со своей социальной средой, системы ценностей и социального статуса или от обычной гражданской активности» [21, 259].

В этой монографии имеются такие параграфы, которые буквально взывают историософию придти им на помощь и разобраться по существу: ««Позаджерельне знання», чи Тиранія «власні дефініції»»; ««Позаджерельне знання», чи Тиск стандартів і стереотипів» и др. Французский ученый Мишель Фуко в своей работе «Археология знания» ввел в научный оборот понятие дискурса «как совокупности языковых утверждений и способов концептуализации мира» [21, 270]. Дискурсы, на мой взгляд, это всё же не что иное, как путь к историософскому осмыслению фактического материала на принципах философии истории.

А вот что пишут о дискурсе авторы сборника «Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ»: «Дискурс рассматривается как важный и неотъемлемый агент коммуникации, который выступает носителем и ретранслятором смыслов, ценностей, идей, образов, мнений, интерпретаций и прочих ментальных и виртуальных образований» [22, 4].

Интересный вопрос такого порядка: чем же отличается историософия от теории истории? «Исторические теории, – отмечает К. В. Хвостова, – это в общем-то типология, содержащая правила образования типов, понимание которых в известной мере восходит к теории идеальных типов М. Вебера, а в конечном счете – к идеям образа – схемы Канта» [23, 69].

Замечательный российский историк А. Я. Гуревич продолжает: «Идеальный тип» Вебера есть не более чем инструмент познания, научная модель («исследовательская утопия»), с которой историк подходит к изучению исторического феномена. Именно расхождение между наблюдениями реальной действительности и предпосылочным знанием («Идеальным типом») открывает возможность для получения нового знания и новых обобщений» [24, 76].

Гуревич пишет о возможных «расхождениях между наблюдениями реальной действительности и предпосылочным знанием («идеальным типом»)». Следует иметь в виду, что эти наблюдения, пишет М. Хейдеггер, – «всегда связаны с пониманием «теперь»» [25, 159]. «Именно поэтому, замечает Хвостова, – каждое поколение переписывает свою историю заново, открывая в ней новый смысл» [23, 78].

Но «переписывает» не в том смысле, о котором говорилось ранее, то есть в угоду тех или иных политических сил, а в смысле её осмысления, ибо, как писал Г. Гадамер, «историк благодаря временной дистанции лучше понимает прошлое, чем современники» [26, 78], это, во-первых, а во-вторых, в связи с появлением новых источников уже по иному и глубже стало представляться это прошлое.

Всё сказанное выше относится к теории истории как науки, а историософия занимается осмыслением сущности феноменов и основных процессуальных мотивов тех или иных исторических периодов, а сущность – это «совокупность глубинных связей, отношений и внутренних законов, определяющих основные черты и тенденции развития общества» [27, 469].

Развивается общество, а вместе с ним возникает и потребность в историософских оценках этого развития. Так, в монографии Ю. Павленко «Історія світової цивілізації. Соціокультурний розвиток людства» дана систематизация как прошлых, так и современных историко-философских моделей развития человечества [28].

Историософским содержанием наполнена и монография В. А. Потульниченко «Україна і всесвітня історія. Історіософія світової та української історії XVII-XX століть». Автор монографии, опираясь на различные схемы истории Украины, стремился найти в ней общемировой контекст и общемировую направленность происходивших в ней процессов [29]. Потульничский совершенно прав, отмечает Л. Зашкільняк, когда пишет, что именно недостаточность такого контекста в конструировании национальной истории на современном этапе весьма негативно сказывается на украинской историографии, ведёт её к «провинциализму», заикленности на какой-то «исключительности» и никому неведомых «особенностях» украинской истории [30, 49]. Собственно, такая тенденция «выпячивания» своей национальной истории в ряду других сегодня заметна, пожалуй, на всем постсоветском пространстве.

Много и других работ, содержащих глубокие мысли историософского плана. Академик НАН Украины В. Кремень в своей статье «Мост через «цивилизационный разлом». Кем мы были? Кем мы являемся? Кем мы хотим быть?» отмечает, что уровень демократии у нас в ближайшем буду-

щем не может быть выше уровня зрелости гражданского общества» [31]. Такой вывод автором этой статьи был сделан на основе осмысления, то есть историософского анализа, переживаемого нами периода.

Следует заметить, что историософских взглядов не лишены и представители творческой интеллигенции. Вот что мы читаем в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго»: «Он (Живаго. – С. О.) снова думал, что историю, то, что называется ходом истории, он представляет себе совсем не так, как принято, и ему она рисуется наподобие растительного царства... В такой же неподвижности застигаем мы вечно растущую, вечно меняющуюся, неуследимую в своих превращениях жизнь общества, истории... Истории никто ведь не делает, её не видно, как нельзя увидеть, как трава растет. Войны, революции, цари, Робеспьеры – это её органические возбудители, её бродильные дрожжи. Революции производят люди действенные, односторонние фанатики, гении самоограничения. Они в несколько часов или дней опрокидывают старый порядок. Перевороты длятся недели, много – годы, а потом десятилетиями, веками поклоняются духу ограниченности, приведшей к перевороту, как святыне» [32, 170].

Небезынтересным является такой вопрос, как отношение Пастернака к евреям. Вот что думает по этому вопросу один из героев романа, Миша Гордон: «С тех пор как он себя помнит, он не переставал удивляться, как это при одинаковости рук и ног и общности языка и привычек можно быть не тем, что все, и при том чем-то таким, что нравится немногим, и чего не любят? Он не мог понять положения, при котором, если ты хуже других, ты не можешь приложить усилий, чтобы исправиться и стать лучше. Что значит быть евреем? Для чего это существует? Чем вознаграждается или оправдывается этот безоружный вызов, ничего не приносящий кроме горя?» [33, 22].

Мысли историософского характера высказывал и другой представитель творческой интеллигенции, известный кинорежиссер Александр Довженко. Он говорил, что в истории искусства существует две правды: «медная» и «золотая»: «Первая, – по мнению Довженко, – обречена вечно ползать по фактографической поверхности явлений, не понимая их глубинного смысла. А вторая – чистое золото правды», – напротив, призвана жертвовать молочной верностью реалиям во имя выражения их сокровенной исторической сути» [34]. Вскрывать эту «сокровенную историческую суть» в сложном нагромождении конкретных фактов прошлого – это и есть главная функция историософии.

Тот инструментарий, который используют историософы, вполне пригоден и для исследования проблем еврейской истории, о которой Бялик так писал в своём стихотворении «Благословение народа»:

И станут от моря до моря дивиться
Делам небольшого народа-скитальца! [35, 352].

Итак, что же всё-таки представляет собой историософия? На наш взгляд, это такая совокупность историко-философских инструментариев, которая направлена на осмысливание сущности событий, явлений и процессов, происходивших в прошлом и представляющих определенный интерес в настоящем. В соответствии с таким пониманием сути и предназначения историософии она может включать в себя следующие её составляющие:

- общая картина современного мира и его видение;
- состояние истории как научной дисциплины и её возможности в обеспечении научного видения этого мира;
- место истории в жизни общества и требования к ней современности;
- историческая память, исторические мифы, историческая идентичность;
- парадигма исторического мышления, отвечающая современным условиям;
- основные положения метатеории исторической науки.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Цит. по: Удод О. Роль історичної науки та освіти у формуванні духовних цінностей українського народу: 1920-30-і рр.. Автореф... докт. іст. наук. – Дніпропетровськ, 2000.
2. Каракина Е. Без горизонта // Шомрей шабос. – 2007. – 2 февраля.
3. Современный философский словарь / Под общей ред. В.Е. Кемерова. Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1998.
4. Додонов Р.А. К вопросу о модусах времени // Культурологічний вісник. Науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпрянщини. – 2008. – № 20.

5. Зашкільняк Л. Методологія історії від давнини до сучасності. – Львів, 1999.
6. Тартаковский М. Историсофия. Мирова история как эксперимент и загадка. – М., 1993.
7. Цимпаев Н.И. Рец. на: Кантор К.М. Двойная спираль истории: историсофия проектизма. Т.1: Общие проблемы. – М., 2002. – 904 с. // Новая и новейшая история. – 2003. – № 5.
8. Бердяев Н. Самопознание. – М.; Харьков, 1998.
9. Зеньковський В.В. История русской философии. Т. 2. Ч. 2. – Л., 1991.
10. Блюменкранц М.А. Романтик духа // Бердяев Н. Самопознание. – М.; Харьков, 1998.
11. Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макиавелли Н. Государь. – М.; Харьков, 2005.
12. Кривуля А.М. Самый чистый мудрец // Спиноза Б. Об усовершенствовании разума. – М.; Харьков, 1998.
13. Кантор К.М. История против прогресса (опыт культурно-исторической генетики). – М., 1992.
14. Рашковский Е. Историк Михаил Гершензон // Новый мир. – 2001. – № 10.
15. Померанц Гр. Творчество и нажива // Знамя. – 2009. – № 1.
16. Рашковский Е. На оси времени. Очерки по философии истории. – М., 1999.
17. Козлов В.П. От преодоления мифов истории к поискам реалий прошлого // Новая и новейшая история. – 2009. – № 1.
18. Каменский А.Б. Пересматривая прошлое // Знание – сила. – 2009. – № 4.
19. Пальчун А. Ряженая история. – 2000. – 2008. – 8 февраля.
20. Канетти Э. Человек нашего столетия. – М., 1990.
21. Яковенко Н. Вступ до історії. – К., 2007.
22. Цит. по: Макаров Д., Кузнецова А. Дискурсологія: проблеми і виклики сьогодення // Свободная мысль. – 2007. – № 6.
23. Хвостова К.В. Математические методы в исторических исследованиях и современная эпистология истории // Новая и новейшая история. – 2007. – № 3.
24. Гуревич А.Я. Двойная ответственность историка // Общественная наука и современность. – 2007. – №3.
25. Цит. по: Бросова Н.З. «Лесные тропы бытия». Феноменология истории Мартина Хейдеггера // Вопросы философии. – 2006. – № 11.
26. Цит. по: Хвостова К.В. Указ. соч.
27. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. Изд. 5-е. – М., 1986.
28. Павленко Ю. Історія світової цивілізації. Соціокультурний розвиток людства. – К., 2000.
29. Потульніцький В.А. Україна і всесвітня історія. Історіографія світової та української історії XVII-XX століть. – К., 2002.
30. Зашкільняк Л. Методологічні аспекти світового історіографічного процесу і сучасна українська історична наука // Українська історіографія на зламі XX і XXI століть: здобутки і проблеми / За ред. Л. Зашкільняка. – Львів, 2004.
31. Кремень В. Мост через «цивилизационный разлом». Кем мы были? Кем мы являемся? Кем мы хотим быть? // День. – 2006. – 10 августа.
32. Пастернак Б. Доктор Живаго. Роман. Кн. 2. – Вильнюс, 1988.
33. Пастернак Б. Доктор Живаго. Роман. Кн. 1. – Вильнюс, 1988.
34. Григорович А. Зло light: вынашивание греха и диалектика лжи // 2000. – 2008. – 1 февраля.
35. Цит. по: Динур Б. – Ц. «Чудо» возрождения Израиля и его исторические основы // Дубнов С.М. и Динур Б.-Ц. Две концепции еврейского национального возрождения. – Библ. – Алия, 1981.

SUMMARY

Historisophy as a compass helping historian to find the right way in the boundless sea of historical facts.